

Сов. культура
1979, 23 окт.

СТРАННЫЕ люди эти режиссеры: порой жанр собственного фильма определить не могут. Вот спросите Георгия Данелия о жанре его картин, и он пожмет плечами, скажет, что во всяком случае комедий не снимает. Разве что сделает оговорку для фильма «Тридцать три» — единственной картины, которую сам считает «чистой» комедией. А остальные — «Я шагаю по Москве», «Не горюй!», «Совсем пропащий», «Афоня», «Мимино», «Осенний марафон» — по мнению Данелия, вовсе не комедии, хотя в них много смеха. И это его утверждение — не поза. Он действительно никогда не ставит своей целью обязательно рассмешить зрителя, он просто снимает, следуя своему восприятию жизни. И если фильмы получают смешными, то это потому, что он считает: о тех, кого любишь, можно рассказывать и с юмором.

Впрочем, я не собираюсь разбирать по коркам фильмы народного артиста РСФСР, лауреата Государственной премии СССР Георгия Данелия, тем более, что о них уже столько написано хорошими киноведами и критиками. Они уже оценены по достоинству — более сорока только международных наград на всевозможных кинофестивалях завоевали его картины, а самая последняя из них — «Большая золотая раковина» — главный приз недавно завершившегося в испанском городе Сан-Себастьяне XXVII Международного кинофестиваля, приз, присужденный «Осеннему марафону». Да я и не смогу быть до конца объективным в оценке фильмов Данелия, ибо речь идет о моем друге. Гия Данелия — человек, мне очень близкий.

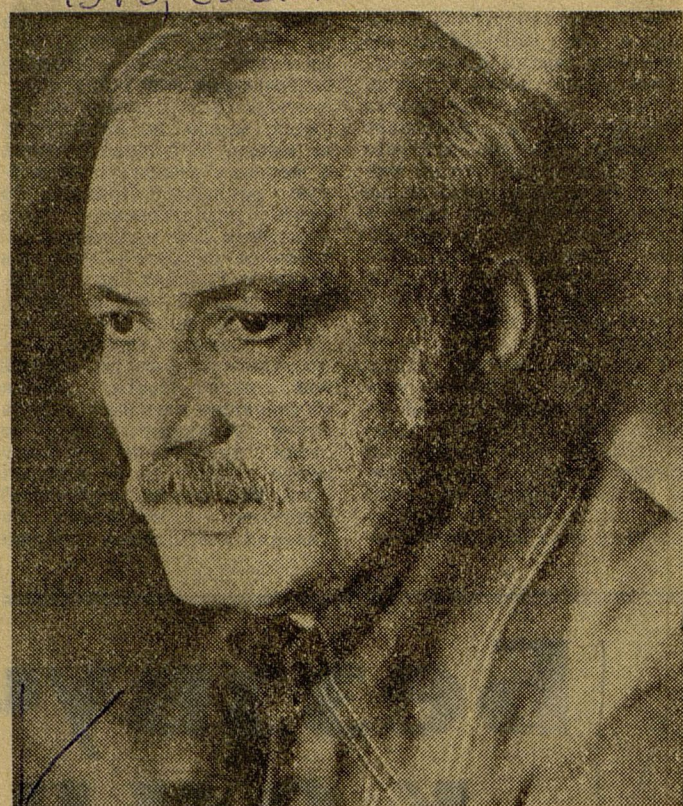
Воспоминания мои о начале нашей дружбы окрашивают его необычайная доброта и та любовь, с которой мастер вводит в мастерскую новичка. Это было лет десять назад на фильме «Не горюй!». Тогда я не особенно интересовался кино, честно говоря, был даже далек от него. Гие я обязан тем, что пришел в кино, он мне открыл немало его тайн, неведомых до тех пор.

Сейчас мы оба седые. Время придает особую поэтичность воспоминаниям, связанным с нашей первой совместной работой. Время размывает детали, набрасывает на минувшее некую зыбкую пелену, за которой все предстает в мягких, ускользающих тонах — как в старинной живописи.

Первое впечатление от знакомства с ним — удивление. Я обнаружил, что Данелия и сам пишет очень хорошо. Признаюсь, мне было невдомек, для чего ему понадобился сценарист. Это так и осталось для меня тайной, которую знает он один. Работать с ним очень легко и в то же время очень трудно. Легко придумывать, искать повороты, угадывать неожиданные сюжетные ходы. А трудно физически: 14 часов непрерывной работы каждый день. Для него все перестает существовать, он «отключается» полностью.

Начало работы похоже на священнодействие. Гия привлекает на свет божий старую пишущую машинку, возраст которой не поддается исчислению. От каждого прикосновения она дребезжит и стонет, временами из нее выскакивают буквы, и мы нервно ищем их на полу, чтобы водворить на место. Гия ревностно оберегает свое сокровище от всех, печатает на ней только сам. Итак, он садится и говорит: «Ну!» И сразу же начинается предлагать очень смешной финал. Как правило, первая фраза в сценарии тоже его.

Почему-то перед работой он запасается множеством лент для машинки и кипой писчей бумаги. Я пытаюсь умерить его пыл — бумагу краду, а ленты время от вре-

люди искусства

Правнучка той травинки

Реваз ГАБРИАДЗЕ,
кинодраматург

мени выкидываю в окошко и с интересом наблюдаю, как с ними играют дети. Но от моих усилий ничего не меняется: стопка бумаги вновь вырастает, и в прежнем количестве появляются ленты — Гия питает к ним слабость, привозит их из всех стран мира.

Результат его запасливости сказывается таким образом: сценарий должен иметь 60 страниц, а у нас первый вариант — в два раза больше. Тогда начинается самое трудное — надо отбирать, как в монтаже. И здесь равных Гие нет. Самое большое мое удивление вызывает его умение сокращать. Он безжалостно отсекает все лишнее. Чувствует композицию в целом и каждую деталь в ней. Он заранее точно видит кадры фильма, а иногда рисует их. Так было в его кинодебюте, фильме, поставленном с И. Таланкиным — «Сережа». Гия рисовал каждый кадр будущего фильма. Рисует он хорошо, ведь его первая профессия — архитектор.

Он пришел в кинематограф уже зрелым, абсолютно сложившимся человеком. Повидаль жизнь, знал ее горечь, радости. Потому, наверное, у Данелия никогда не было робких ученических лент. Его режиссерский дебют в «Сереже» никак нельзя назвать пробой новичка, это была работа человека, имеющего что сказать людям.

Приход Данелия в искусство не был случайностью. Он выходец из большой артистической семьи. Его мать — кинорежиссер Мэри Анджапаридзе, тетя — Верико Анджапаридзе, дядя — Михаил Чиаурели, дальше идут имена Софио, Чиаурели, Георгия Шенгелая и Элдара Шенгелая...

С кино у Данелия давние связи и такие же давние счеты. Ему было 10 лет, когда его дядя, кинорежиссер Михаил Чиаурели, снял его в фильме «Георгий Саакадзе». Он играл там довольно большой эпизод — роль мальчика, которого запрягли в ярмо и хлестали плеткой. Можно себе пред-

ставить, с каким нетерпением Гия ждал выхода фильма! И также нетрудно понять, что он чувствовал, когда, просмотрев картину до конца, так и не увидел себя. Эпизод оказался вырезанным. Казалось бы, такое начало не должно было способствовать большой любви к кино. И вот, пожалуй, что получилось впоследствии — стал Гия фильмы делать сам...

Насколько долго пишется сценарий, настолько быстро, даже стремительно, он снимает. Дублей почти не бывает, актерских проб — мало. Гия заранее знает, кто должен играть в его фильме. Он всегда остается верным «своим» артистам. С удовольствием вспоминает совместную работу с С. Бондарчуком, Е. Леоновым, Л. Куравлевым, Вл. Басовым, В. Андреевым, Г. Польских, В. Кикабидзе, Н. Мордюковой, И. Чуриковой, И. Хвичиа.

Самым главным в сценарии, да и в фильме вообще, Данелия считает человеческие судьбы, характеры — яркие, живые, емкие. Но найти характер — полдела, надо еще суметь выразить его. И не в длинных диалогах или в многозначительных недомолвках, а в действии. Гия справедливо считает, что фильмы, обращенные к острым темам на злобу дня, часто устаревают именно потому, что они не открывают интересных характеров. Гия и сам питает пристрастие к сегодняшнему дню. Почти все его фильмы — о проблемах, окружающих нас сегодня, сейчас, сию минуту. Я очень люблю его картины как зритель. Одно из важных, на мой взгляд, достоинств его фильмов в том, что они обращены не к узкому кругу зрителей-знатоков, а ко всем. Ведь можно взять очень простую мысль, а рассказать о ней с невероятным нагромождением сложностей. Гия делает наоборот.

Он многое ищет, но в каждой своей работе умеет оставаться верным себе и своему видению. Это он заставил меня проникнуться уважением к режиссуре, к таким именам, как Рене

Клер, Борис Барнет, Джон Форд, Федерико Феллини...

В фильмах Данелия много смеха. Его вызывает порой крохотная, но очень точно сделанная деталь. Смех у Данелия — это всегда и мысль, и грусть, и поэзия. Его смех порой легкий, изящный, порой горький, но никогда он не бывает злым.

Гия, как никто другой, умеет оценить работу коллеги.

Я помню, с каким юношеским восторгом, что называется, на одном дыхании, рассказывал он мне «Калину красную». Удаче В. Шукшина он радовался, словно своей собственной. Пересказывая чей-то хороший фильм, обычно сдержанный Гия становится экспансивным. У него четкая память, он может по кадрам рассказать целую картину, проанализировать ее достоинства, увидеть недостатки.

Во время работы Гия забывает обо всем, для него существует только его фильм. Мне часто кажется, что, даже общаясь с друзьями среди которых больше всего актеров и художников, он в уме словно монтирует кадры будущей картины. Он объездил чуть ли не весь свет. Очень любит Гия живопись — его коллекции может позавидовать знаток, хорошо знает музыку. Замечательные композиторы Андрей Петров и Гия Канчели рассказывают, что с Данелия работаетя не только киноменами, но и музыкантами. В фильмах Данелия музыка является важным, неотъемлемым компонентом, она определяет настроение эпизодов, создает необходимую эмоциональную атмосферу всей картины.

Земля Грузии дала ему жизнь, в Москве он стал художником. Он всю жизнь прожил в Москве: отец по службе инженера-метроостроителя был переведен сюда еще в 30-е годы. Гия очень любит говорить о Москве, ее шумных улицах, задумчивых набережных. Это улицы его детства, его воспоминаний. Он прекрасно знает город и его людей. На экране это видно. Фильм «Я шагаю по Москве», по-моему, его лирическое признание в любви городу.

Много еще можно рассказать о Данелия. Боюсь повторяться, боюсь показаться сентиментальным. Он был и остается очень близким человеком, другом. В работе над многими моими сценариями, которые мы писали врозь, он все же принимал участие. То подкажет удачный драматургический ход, ситуацию, то подбодрит ласковым словом, деловым советом. А чаще всего это жесткий, но очень доброжелательный оппонент. Многие работающие в кино знают эти его качества и пользуются ими. Вечно он дома сидит, обложенный чьими-то сценариями, над которыми работает так же истоно, как над своими. Быть может, потому он поставил всего десяток фильмов.

Когда я думаю о Гие Данелия, я часто вспоминаю один давний случай. Это было лет семь-восемь назад на небольшом аэродроме в Телави. Мы лежали у взлетной площадки, ждали вертолета. Было жарко, мы оба смотрели на тонкую высохшую травинку, на слегка дрожащий от ветра ее стебелек и придумывали первые сцены фильма о вертолечнике. Этой травинки теперь давным-давно нет. На ее месте растет, наверное, ее прапраправнучка. Мне очень бы хотелось посмотреть на нее вместе с Гией. Быть может, она подскажет нам новый фильм.

И Гия опять извлечет на свет божий свою испытанную пишущую машинку...

Народный артист РСФСР
Г. Данелия.

Фото ТАСС.